

СОЦИАЛЬНЫЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ИМПЛИКАЦИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В СОВРЕМЕННОЙ БЕЛОРУССКОЙ ПРОЗЕ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Ключевые слова: белорусская литература, современный литературный процесс, военная проза, социальные и культурные импликации.

Современная белорусская литература о Великой Отечественной войне содержит как рецепцию традиций советской военной литературы, так и их деконструкцию. В современной прозе художественному осмыслению подлежит не личный военный опыт (не трагедия собственного поколения), а историческая память страны и белорусского народа, что предполагает новые подходы к созданию когнитивных художественных моделей и новые способы филологической экспликации культурных и социальных кодов. Функциональный спектр социальных и культурных импликаций исторической памяти демонстрирует аксиологический диапазон современной белорусской литературы о Великой Отечественной войне.

Корпус произведений о Великой Отечественной войне в славянских литературах очень широк. Это и произведения военных лет, и литературная рефлексия первых послевоенных десятилетий, и беллетризованный автобиографический опыт поколения «детей войны», и художественное осмысление исторической правды, предпринятое на рубеже XX–XXI веков. Общечеловеческое и творческое сознание пытается вместить трагический опыт гуманитарной катастрофы и оценить ее социальные и экзистенциальные последствия. В произведениях актуальной литературы (и белорусской, и русской), появившихся после 2000-х годов, приоритетной становится идея сохранения исторической памяти. Военное прошлое осмысливается опосредованно (на основе архивных данных, научных и публицистических источников, творческого наследия предшественников). Временная отдаленность от событий военной действительности и наличие информационного и культурного «буфера» открыли новые возможности моделирования художественной реальности в стилевой интеграции реализма и модернизма, реализма и постмодернизма.

Можно предположить, что социальные и культурные импликации исторической памяти создаются на семантическом и морфологическом уровнях жанровой структуры произведений, при этом различаются технологии их создания в контексте реалистического, модернистского и постмодернистского дискурсов. Функциональный спектр социальных и культурных импликаций исторической памяти демонстрирует аксиологический диапазон современной белорусской литературы о Великой Отечественной войне.

Проза о Великой Отечественной войне, созданная в ХХІ веке весьма разнообразна как в идейно-тематическом, так и в жанрово-стилевом планах. В настоящее время в филологической науке выделяют несколько направлений развития военной прозы: *историческое, онтологическое, экзистенциальное и эстетическое* [1; 3]. Данная классификация отражает попытку охарактеризовать как способы рецепции традиций советской военной литературы, так и вектор индивидуально-авторских творческих поисков, обозначить ключевые тенденции развития современной прозы о Великой Отечественной войне. Разумеется, провести чёткую границу между названными направлениями довольно затруднительно. В тексте конкретных художественных произведений, как правило, наблюдается синтез различных приёмов литературной рефлексии и создания авторских когнитивных моделей. При этом, безусловно, выделяются смысловые и формообразующие доминанты.

Социальные импликации исторической памяти преобладают в произведениях о Великой Отечественной войне, относящихся к *историческому* и *экзистенциальному* направлениям. К *историческому* направлению «относятся книги, где военные события вписаны в историю страны и мира, претендуют на эпический охват» [3, с. 8]. Примечательно, что при всей глобальности военной трагедии в мировом масштабе и возможности (три четверти века спустя) пользоваться документальными источниками и их историческими оценками, так называемые «масштабные» произведения о войне немногочисленны. Традиции монументального эпического повествования о событиях Великой Отечественной войны, заложенные в советской и постсоветской литературе (К. Симонов «Живые и мёртвые», М. Шолохов «Они сражались за Родину», И. Шамякин «Тревожное счастье», В. Астафьев «Прокляты и убиты»), в ХХІ веке получают продолжение преимущественно в белорусской литературе. Их рецепцию мы наблюдаем в романах В. Гниломедова «Война» [2] и Н. Чергинца «Операция “Кровь”» [8].

Роман «Война» – одна из шести книг романного цикла В. Гниломедова о жизни белорусской деревни Пруски, которая метонимически воплощает уклад жизни всей Беларуси. Аналогом такого метажанрового образования в русской литературе является тетралогия Ф. Абрамова «Пряслины», первый роман которой – «Братья и сёстры» – также посвящен изображению военных событий. На примере образов Левона Кужаля и его односельчан В. Гниломёдов убедительно демонстрирует нравственную и психологическую трансформацию белорусского народа перед лицом общечеловеческой трагедии. Нельзя не согласиться с утверждением О.И. Русилко о том, что «У рамане “Вайна” У. Гніламёдаў даследуюць важныя рысы нацыянальнага беларускага характару, што выявіліся ў крытычны для нацыі момант: трываласць, цярплівасць, душэўнасць, ахвярнасць, пасіянальнасць і саборнасць» [5, с. 161].

В романе Н. Чергинца «Операция “Кровь”» тенденция к историзму прослеживается в самом объёме жанрового содержания. Под жанровым содержанием понимается когнитивная ориентация произведения определенного жанра, способ познания и отражения действительности, способ художественного миромоделирования. Выбирая для своего повествования романную форму, Н. Чергинец предлагает читателю дедуктивный способ познания военного прошлого белорусского народа. Писатель апеллирует ко многим архивным источникам, называет конкретные цифры чудовищных потерь белорусов в годы войны, раскрывает последовательность и подробности реальных военных операций. Особое внимание уделяется масштабности и значимости партизанского движения в Беларуси.

Масштабность авторского замысла воплощена на уровне сюжетно-композиционной организации произведения. В романе «Операция “Кровь”» можно выделить три сюжетные линии, которые развиваются параллельно и сходятся в контрапункте уже в кульминации повествования. Это история военного Минска и трагедия минского гетто, это подвиг белорусских партизан и подпольщиков и определение вклада партизанского движения в копилку Великой Победы, это душераздирающая правда о детском интернате (а по сути – донорском центре, лаборатории убийств) в Семково. Действие романа развивается во множестве локаций: дома героев в Минске, поселение в гетто, полицейские участки, землянки партизан, военная резиденция в Москве и др. Автор словно проводит читателя дорогами войны, утверждая: беда коснулась всех, проникла в каждый дом, никто не остался в стороне и главной задачей человека стало не только и не столько сохранить своё физическое существование, сколько сохранить в себе человека.

Экзистенциальной проблематикой обладают произведения, в которых *«война из события истории превращается в переживание личности»* [3, с. 9]. Такого рода направленностью характеризуется целый корпус произведений военной прозы 1960-х – 1970-х годов, в которых наблюдается обращение авторов к осмыслению экзистенциальных категорий, усиливаются апокалипсические мотивы отчаяния и смерти. Коммуникативная стратегия этих произведений ориентирована на изображение войны как жестокого истребления человеком человека. Ярким представителем экзистенциального направления в белорусской прозе о Великой Отечественной войне является Василий Быков, достаточно вспомнить его повести «Дажыць да світання», «Мёртвым не баліць», «Пайсці і не вярнуцца» и др. Герой экзистенциальной прозы о войне практически всегда находится в пограничном состоянии, в ситуации сложнейшего нравственного выбора, цена которого – жизнь. В связи с чем в советской военной литературе формируются два ключевых типа героев: герой, в пограничной ситуации переживающий духовную эволюцию, так называемое «экзистенциальное пробуждение», и герой, которого война приводит к духовному опустошению, моральной деградации. Таким образом, экзистенциальное направление

военной прозы, с одной стороны, отражает девальвацию частной жизни в масштабах мировой войны, с другой – демонстрирует возможность личного подвига «маленького человека» на войне.

В ключе экзистенциальной прозы созданы автобиографические произведения белорусских авторов из поколения «детей войны». Не случайно издательство «Четыре четверти» выпустило в свет одноименную серию книг «Дети войны». В неё вошли повести Ж. Жданова «Деды», Е. Коршукова «Заговорщики», Н. Лось «Меня зовут Лариса», Т. Майстренко «Опаленная молодость», З. Новоеико «Детство в тумане войны» и др. Стилистически названные произведения демонстрируют интеграцию беллетристики и мемуаристики.

В романе Н. Чергинца «Операция “Кровь”» мы наблюдаем рецепцию лучших традиций советской экзистенциальной прозы, что особенно ярко прослеживается в типологии героев. Мотив «экзистенциального пробуждения» в творческом сознании писателя тесно связан с процессом формирования и становления личности, а потому в ситуации нравственного выбора часто оказываются представители младшего поколения, находящиеся в начале своего жизненного пути и проходящие своего рода инициацию: Женя Статкевич, Абрам Рабинович, Леонид Цветков.

В советской военной прозе последней трети XX века появляются метажанровые формы, зарождающиеся «на стыке» публицистики и художественной литературы (М. Кураев «БлокАда», А. Адамович «Хатынская повесть», «Каратели» и др.). Помимо фактографического отражения военной действительности, фокус авторского внимания в этих произведениях направлен на осмысление психологии «чужого», несущего разрушение и смерть. Иными словами, писатели пытаются постичь генезис и психологию фашизма как социального явления. Данный литературный контекст, безусловно, апеллирует и к роману французского писателя Робера Мерля «Смерть моё ремесло», в котором автор объективно и от первого лица повествует о том, как на фоне истории Германии с детства складывается характер эсэсовского коменданта лагеря смерти. Примечательно, что именно в дискурсе белорусской современной литературы о войне вновь актуализируется образ врага, носителя чужой, антигуманистической идеологии, циничного исполнителя приказов, далёкого от размышлений об экзистенциальных категориях жизни и смерти. В этом ключе выписан в романе Н. Чергинца «Операция “Кровь”» образ немецкого майора Мойрина. Майор амбициозен и тщеславен. Он с особой тщательностью исполняет все приказы командования, рассчитывая на повышение. Не брезгует он и «работой», которой ему приходится заниматься в Семково. Детей, обреченных на смерть, он называет «контингент», любые моральные категории оказываются за пределами сознания майора. На примере образов Абрама Липковича и директора интерната в Семково Войтовича Н. Чергинец исследует и психологию «оборотничества», предательства, у которого нет национальности.

Культурные импликации исторической памяти содержатся в произведениях о Великой Отечественной войне, написанных в русле эстетического направления (или демонстрирующих элементы данного направления). С точки зрения литературоведения, у такого рода произведений появляются новые художественные задачи: «...осмыслить войну в аспекте мировой культуры-памяти. Авторы ищут культурные коды, сюжеты, аналогии для передачи трагического военного опыта прошлого» [3, с. 10]. Как правило, культурные коды имплицитно встраиваются в мифологическую цитацию.

Роман Н. Чергинца «Операция “Кровь”» не просто реалистическое – документальное в своей основе произведение. Однако на уровне пространственно-временной организации наблюдаются некоторые элементы мифологической условности. Так, и минское гетто, и интернат в Семково обнесены колючей проволокой. Разумеется, это было сделано фашистами в целях усиленной охраны объектов. Но и у писателей, и у читателей в XXI веке за плечами богатый и многослойный культурный опыт, который позволяет интерпретировать образ колючей проволоки и с точки зрения мифологической семантики. Во-первых, в образе колючей проволоки метафоризируется образ терния – библейского символа наказания, опустошения, орудия пыток (терновый венец на Иисусе). Очевидно, что и обитатели гетто, и ребята из донорского центра подвергаются тяжелейшим моральным и физическим пыткам, обречены на смерть, как агнцы на заклание. Во-вторых, колючая проволока в контексте романа может рассматриваться как обозначение границы между мирами: миром мёртвых (приговорённых) и миром живых. Существуют в произведении и свои хароны-перевозчики: немецкие машины, увозящие людей в Тростенец. В этом контексте герои, которые поддерживают связь с гетто и с закрытой территорией интерната, выступают своего рода медиаторами: Елена Петровна и Женя Статкевичи, Анна Николаевна, Ольга Иосифовна и др. Кроме того, сюжетная линия, повествующая о внедрении Анны Николаевны (по легенде – наследницы имения Анны Фишер) в интернат, довольно логично эксплицируется как античный мифологический сюжет о путешествии Орфея в царство мёртвых за Эвридикой.

Сцена публичной казни Абрама Рабиновича также может быть истолкована через призму содержащегося в ней культурного кода, в данном случае – христианского. Иудей Абрам, пожертвовав собой во имя спасения людей, после мучительных пыток погибает за веру в Победу. Аналогия со смертью Иисуса на Голгофе представляется очевидной. Партизанские разведчики снимают тело Абрама с виселицы для погребения так же, как Иосиф снимает с креста тело своего Учителя. Думается, что подобные экспликации культурных кодов не выглядят натянутыми. Напротив, они углубляют представление об идейной концепции романа, а сам факт наличия мифологической условности и историко-культурной многослойности включают произведение в межкультурный диалог с мировой художественной прозой.

В новейшей литературе последних лет стало возможным художественное осмысление исторической правды о Великой Отечественной войне в контексте стилевой интеграции реализм–модернизм. Так, роман А. Матвиенко «Демон против Люфтваффе» [4] апеллирует к христианскому культурному коду и к представлениям оккультизма. Повесть О. Сешко «Снуть вошлебная» [6; 7] продолжает традиции условно-метафорической прозы последней трети XX века. Художественная модель мира, созданная в произведении, представляет собой переплетение нескольких пространственно-временных планов, нескольких повествовательных дискурсов, соединяющих современных школьников маленького заполярного посёлка и трагическую историю белорусского города начала войны. Можно утверждать, что произведения О. Сешко и А. Матвиенко воплощают перспективный вектор развития современной прозы о Великой Отечественной войне, поскольку демонстрируют продуктивные способы культурных импликаций и формируют действенные когнитивные подходы к художественному постижению исторической правды.

Показательно, что в современной белорусской прозе о Великой Отечественной войне не проявлены черты *онтологического* направления. По мнению исследователей, *«в этой литературе война становится испытанием самой человеческой природы, “голового человека”, лишённого всего, что необходимо для жизни»* [3, с. 9]. Белорусские авторы не пишут о бессмысленности человеческих жертв. В самых трудных обстоятельствах у героев их произведений есть главные необходимые для жизни качества: верность своим принципам и нравственным идеалам, убеждённость в правильности и праведности коллективного дела, вера в человека. Изучение произведений современной белорусской литературы убедительно доказывает, что в них нет места дегероизации подвига советского народа в Великой Отечественной войне, ибо задача авторов – возвысить человеческую личность, а не девальвировать её, укрепить веру в духовную силу белорусской нации и народного единства. Сохранение правды и исторической памяти о Великой Отечественной войне сегодня становится актом проявления гражданской позиции, обретения национальной и нравственной идентичности.

Литература

1. Аристов, Д.В. «Окопная правда» – вчера и сегодня / Д.В. Аристов // Филологический класс. – 2010. – № 23. – С. 30–36.
2. Гніламёдаў, У.В. Вайна: раман / У.В. Гніламёдаў. – Мінск: Беларуская навука, 2014. – 626 с.
3. Ковтун, Н.В. Тема памяти в современной прозе о Великой Отечественной войне / Н.В. Ковтун // Культура и текст. – 2020. – № 4. – С. 6–24. DOI 10.37386/2305-4077-2020-4-6-24.
4. Матвиенко, А. Демон против Люфтваффе: роман / А. Матвиенко. – Минск: Звезда, 2022. – 272 с.
5. Русілка, В.І. Беларускі нацыянальны характар у рамане У. Гніламёдава “Вайна” / В.І. Русілка // Науча – адукацыі, прадукцыі, эканоміцы: матэрыялы XXII (69) Рэгіянальнай навука-практ. канферэнцыі прафесараў, навуковых супрацоўнікаў і аспірантаў, Віцебск, 9–10 студзеня 2017 г.: у 2 т. – Віцебск: ВГУ імя П.М. Машэрава, 2017. – Т. 1 – С. 161–162.
6. Сешко, О.В. Снуть вошлебная. Повесть. Книга вторая / О.В. Сешко. – Гомель: Барк, 2023. – 228 с.
7. Сешко, О.В. Снуть вошлебная. Повесть. Книга первая / О.В. Сешко. – Гомель: Барк, 2022. – 228 с.
8. Чергиница, Н.И. Операция «Кровь»: роман / Н.И. Чергиница. – Минск: Мастацкая літаратура, 2013. – 326 с.

E.V. Kriklivets
Vitebsk State University named after P.M. Masherov
e-mail: kriklivec@mail.ru

Social and Cultural Implications of Historical Memory in Modern Belarusian Prose About the Great Patriotic War

Key words: Belarusian literature, modern literary process, military prose, social and cultural implications.

Modern Belarusian literature about the Great Patriotic War contains both a reception of the traditions of Soviet military literature and their deconstruction. In modern prose, it is not personal military experience (not the tragedy of one's own generation) that is subject to artistic comprehension, but the historical memory of the country and the Belarusian people, which presupposes new approaches to the creation of cognitive artistic models and new ways of philological explication of cultural and social codes. The functional spectrum of social and cultural implications of historical memory demonstrates the axiological range of modern Belarusian literature about the Great Patriotic War.

Т.Н. Крученкова
Витебский государственный университет имени П.М. Машерова
e-mail: tanya.kru4enkowa@yandex.by

УДК 821.161.1:398.5

ОБРАЗЫ СТИХИИ ОГНЯ В РУССКОМ НАРОДНОМ ТВОРЧЕСТВЕ

Ключевые слова: огонь, стихия, фольклор, обрядовая культура, духовные ценности.

В статье рассматриваются образы стихии огня в русском народном творчестве. Они отражают духовно-нравственные ценности русского народа. Огонь является одним из древнейших родоплеменных культов, восходящих к эпохе первобытнообщинного строя. Мировоззрение и обрядовая культура наших предков, связанная с культом огня, сохранилась до наших дней в произведениях русской литературы и народного фольклора.

Мировоззрение и обрядовая культура тесно взаимосвязаны. Об этом свидетельствуют определения этих понятий, например, слово «обряд» в словаре Ожегова «совокупность действий, установленных обычаем или ритуалом, в которых воплощаются какие-нибудь религиозные представления, бытовые традиции» [7]. Каждый этнос имеет определенный обрядовый комплекс, который складывался веками. Многие народные обряды и традиции